

Василий Иванович Немирович-Данченко

Шамиль

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть #2)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Шамиль**

Когда солнце садилось за горы, и на рубиновом море заката, резкие и чёрные, определились и их утёсистые вершины — в долине реки Самур приказано было строиться всем войскам Шамиля. Феварис [1] из кабардинцев и чеченцев стала налево, межщит [2] — направо. Альф [3] от альфа отделялись интервалами, точно так же, как хамса-миа от других [4]. Меньшими расстояниями были ограничены мии [5]... Впереди стояли на известных пунктах райсул-альфы — командиры полков — тысячники, за ними райсу-хамса-мии — пятисотники, и уже у самых кланов сотники — райль-мии и рансу-хамсин — пятидесятники. У тысячников и пятисотников на груди блестели серебряные круги с арабскими надписями, гласившими: «Брось малодушие, предавшись войне. Терпи её невзгоды, — нет смерти без назначения!» В середине круга значилось имя командира. На остальных начальниках, тоже серебряные, висели полумесяцы с их фамилиями... Значки тихо веяли... Подымавшийся ветерок слегка колыхал их зелёные, шитые арабскою вязью треугольники... Впереди, в ожидании ве-

ликого имама, на статных конях сидели его наибы, увешанные орденами, созданными Шамилем для своих храбрецов. Эти отличия состояли из звёзд, полумесяцев с саблями под ними, серебряных разноугольников — под чернью, — со стихами из Корана и надписями, вроде: «Кто думает о последствиях, тот никогда не может быть храбр» или «Нет силы, нет крепости, кроме Бога единого»... На груди Хатхуа висела звезда с арабскою вязью внутри, гласившей: «Нет Хатхуа храбрее, нет сабли его острее» и ниже: «Этот герой искусен в войне и львом бросается на врагов, не считая их».

Но впереди всех с лопатами в руках стояли в чёрных чалмах своих «палачи»... Войска безмолвствовали. Приказ последним выйти и ждать имама наполнял всех смутным предчувствием чего-то ужасного...

Ждать пришлось недолго...

Имам показался вдали, но пешком, в изорванной черкеске, надетой на голую грудь и без оружия...

На бритой голове его не было ни папахи, ни чалмы...

С выражением глубокого горя, он шёл, опустив вниз голову и, по-видимому, ничего не замечал перед собою... За ним двигались в таких же изодранных одеждах муллы и мутелимы... Много времени прошло, и ночь уже наступила, когда имам добрался, наконец, до середины расположения своих войск. Факелы горели вокруг него, и, дымясь, красные языки их пламени выхватывали из мрака суровые лица и мощные фигуры наибов...

— Глашатаи, созовите всех начальствующих до пятидесятников! — приказал Шамиль.

Глашатаи кинулись во все стороны, и скоро их гортанные и хриплые крики словно клёкот кречетов раздались и направо, и налево...

От войск отделились испытанные воины и подошли к имаму.

Повелитель Чечни и Дагестана стоял неподвижно посреди них, не подымая глаз. На его лице было написано отчаяние. Открытая грудь носила царапины от ногтей... Длинная борода была выпачкана грязью. Когда всадники февариса стали позади сплошную стеною,

Шамиль поднял голову и зорко оглядел всех. Он заговорил тихо прерывающимся и усталым голосом, точно каждое слово ему стоило страшных усилий и труда... Порою он выдерживал паузы и хватался за грудь рукою, подымал глаза к небу, точно оттуда ожидая вдохновения... Там уже сияли вечные иероглифы созвездий, и прямо над головою Шамиля злоеще кровавым светом горел Альдебаран...

— Правоверные!.. Нет бога, кроме Бога, и Мухаммед — пророк его!.. Позор нашего поражения наполнил смятением мою душу... Аллах обещал мне победу, но в решительный час отвратил от меня лицо своё. Мухаммед — в таинстве хакиката — явился мне, и препоясал меня священным мечом, и коснулся руки моей в ознаменование торжества над гяурами, ожидающего нас... Вот она, эта рука, вот этот знак!..

И он высоко поднял руку и показал на ладони красное пятно от обжога...

— Огонь от перста его проник меня всего, и я послал доблестного льва Хатхуа собрать вас всех и идти, чтобы взять готовую жатву

вражьих голов. Нива стояла готовой — жнецы пришли, но серпы выпали из их рук, и они отступали в страхе перед нею. Что случилось такое? Почему обетование Господа не исполнилось? Кто наполнил страхом сердца ваши, отняв мощь у ваших рук? Почему это жалкое воробьиное гнездо, — указал он по направлению к крепости, — стоит ещё, когда на него набросились лучшие орлы гор, со стальными когтями, с заострёнными железными клювами?.. Что случилось?..

Он опять поднял голову вверх...

Под перебегающим красным блеском факелов видны были конвульсии его лица и порывистое дыхание исцарапанной груди...

— Я падал перед Аллахом во прах... Целые часы я лежал перед ним, и Всемогущий не явился мне! Я в скорби и смятении призывал пророка, но и он не посетил меня... Я разодрал тело своё ногтями, я грязью посыпал главу, я уничижался перед младшими пророками, я взывал к четвёртому из имамов Зейн аль-Абидину, — но все они были глухи. Ни один голос с высоты не раздавался мне в ответ, и только горный ветер как шайтан смеял-

ся и свистал кругом, да снизу доносились стоны и вопли наших, умирающих и раненых... Я воззвал к моему покровителю Омару... Я крикнул Алию: «Слышишь ли ты меня?», но Омар молчал, и Алий не слышал... Неужели мы оставлены Богом и его пророком?.. Неужели над нами нет более его покрова и милосердия?..

— Аллах, Аллах! — воскликнул он, царапая себе лицо. — Неужели ты хочешь стать Богом и защитником неверных!..

И он точно стал прислушиваться...

Но долина молчала, задумчиво безмолвствовали горы... По верхушкам деревьев крался ветер, тихо шелестели знамёна и значки... Вздрагивали лошади и бряцали опривленными в серебро уздечками... Всё краснее и краснее разгорался зловещий Альдебаран, и из-за вершин Шахдага засверкали семь очей Большой Медведицы...

— Молчит Аллах... Оставил меня пророк его... Правоверные!.. Я, чтобы лучше слышать голос Бога, всходил на утёсы... Мне осталось одно: как жалкий червь я уйду в землю, зарюсь в ней и там — в смраде и унижении, буду

ждать Его милости... А вы стойте тут до утра, и горе тому, кто скажет слово или оставит своё место... Стойте и молитесь безмолвно... Если бы на вас обрушились все силы Эблиса, — молчите; если бы буря заревела над вами, и молнии стали поражать вас, — стойте!.. Хатхуа, наиб Юсуф, Аслан-бек... вы проведёте эту ночь близ меня и да будете вы моими очами и памятью... Ещё раз: горе тому, кто сойдёт с места или скажет хоть одно слово!..

Он дал знак палачам. Те быстро заработали лопатами...

Через час, в течение которого Шамиль лежал на земле, распростёршись в безмолвной молитве, они вырыли глубокую яму. Шамиль вошёл в неё... Они прикрыли его досками углом над ним и, согласно заранее отданному приказанию, засыпали их сверх землёй, разумеется, оставляя незаметные промежутки. Ужас охватывал войска... Глашатаи каждое слово, сказанное Шамилем наибам и начальникам, передавали пехоте и кавалерии... Какой-то гул отдалённых вздохов проносился по долине. [6]

Альдебаран сдвинулся с места, семь очей

Медведицы свершили часть обычного круга. Ярko загорелся меч Ориона... Блнстательный Сириус — этот «алмаз на перстне Божьем» — показался над горами... Луна выступила и всё кругом облила мечтательным и нежным светом... Застрекотали кузнечики в траве, запели цикады на деревьях, громче из глубины ущелий зароптали горные потоки. С сухим шорохом снялась и полетела саранча... Светляки вспыхнули в кустах... Буль-буль [7] вдруг запел в вершине гранатных деревьев и долго серебряными трелями наполнял мистическое безмолвие ночи... А двенадцать тысяч пеших и всадников не смели двигаться и стояли молча над страшною могилою живого имама. Кони фыркали и встряхивали головами... Копыта их нетерпеливо скребли землю, слышался шорох, — тысячи пеших переминались на месте, когда ноги у них затекали. Но никому не приходило в голову оставить место, сесть или отойти в сторону... Смерть ждала послушников, да и кроме того благоговейное чувство оковывало самые непокорные души... Даже плохо дисциплинированные дидойцы, в своих звериных шкурах, не отводи-

ли глаз от свежезасыпанного холма, под которым как червь в земле в уничтожении и смраде великий имам Чечни и Дагестана, повелитель народов от гор до Терека, от моря и до моря — покрытый перстью земной, молил Аллаха об откровении... Также и муллы как изваяния стояли около... Нужна была вся восточная покорность судьбе, всё бесстрашие, чтобы выдерживать этот искус... Хорошо было задним рядам лезгинской пехоты, прислонившимся к скалам — передние чувствовали, что земля точно начинает колыхаться под ними, уходить у них из-под ног...

Месяц уже поднялся высоко...

Мягким светом его облитые, вставали вершины Дагестана. Чернели их утёсы, светились ледники... Белый пар клубился со дна пропастей, пелена мглы лежала впереди над низиною Самура... Ущелья кутались в туман, и только боковые скалы прорезывались, точно хотели уйти от него в недостижимую высоту... Упёршись локтями на ружья, утверждённые дулами в землю, стояли лезгины... А ночь всё длилась и длилась, и, казалось, не будет ей конца, голубой и мечтательной царице

мира, так нежно и ласково прохладными устами касающейся разгорячённого чела земли...

Какая тишина! Так тихо, что с башен и стен осаждённой крепости доносятся крики часовых... Чу! Где-то тьякнула собака... Какая тишина! В ней есть что-то страшное, томительное... Молчат горы, — в складках их тысячи джинов притаились в ожидании жертвы... В эти часы из глубины чёрных пещер выползают змеи и тоже подстерегают на горных склонах путников... Хоть бы какой-нибудь резкий и громкий звук нарушил тягостное очарование, снял колдовство зловещего безмолвия... Сон ходит волнами, одуряя головы всех этих людей... Но они борются с ним... Спящего ждёт смерть. Всадникам ещё хуже. Сидя в седле, хорошо спится, но страх, оковы-вая их, не даёт им сомкнуть глаз...

Имам молит Аллаха...

Быть может, Всемогущий услышит его, сойдёт к нему во тьму...

Союз между Ним и повелителем «от моря и до моря» будет восстановлен, — и Азраил тотчас же поразит виновника... Хотя бы крик

ночного намаза раздался в воздухе... Но, во-первых, намаз в войсках отменён, а во-вторых, муллы должны безмолвствовать как и все остальные...

Томительная ночь казалась бесконечной, но когда, наконец, со стороны моря повеяло холодом, и восток побледнел, а на вершине Шахдага загорелись первые лучи просыпавшегося дня, — когда тени дрогнули, и потускли звёзды, и даже кровожадный Альдебаран сомкнул злое око, — муллы и муэдзины с мутелимами и будунами затаили своё «ля-иллахи-иль-Аллах». Старший из них подошёл к могиле имама и, три раза стукнув в неё посохом, воскликнул:

— Жив ли ещё возлюбленный Богом?..

Но оттуда не раздалось ни слова в ответ.

Муллы отошли. Встрепенувшиеся было конные и пешие, наибы и простые лезгины опять погрузились в мрачное безмолвие. Скоро все вершины гор заалели и засияли... По скалам и утёсам их живую кровь сбежали розовые лучи в горные долины... Муллы опять постучались к имаму.

— Жив ли ещё возлюбленный Богом?

И вновь он не подал голоса.

Уныние охватывало всех... Хатхуа и преданные повелителю Чечни и Дагестана наибы встревожились. Они теперь не отводили от холма взглядов, полных ужаса и опасений... Наконец, солнце поднялось над ущельем между Шахдагом и Баир Дервишем, ущельем, по которому можно было дойти до Каспия. Целая река ослепительного света оттуда залила долину... Дрогнули её туманы, проснулся весёлый жаворонок в траве...

— Жив ли ещё возлюбленный Богом?..

И вдруг из-под земли раздался ответ:

— Хвала Аллаху, даровавшему моим очам свет!..

Лопаты палачей заработали опять, доски были откинута... Весь засыпанный землёй, изнеможённый, поднялся из-под них Шамиль... Опираясь на наибова Юсуфа и Хатхуа, он вышел из могилы... Теперь всё кругом замирало в ожидании откровения... Посетил ли Бог имама?.. Дал ли ему новые обеты?..

— Правоверные!.. Нет бога, кроме Бога, и Магомет пророк его!.. Сжалился Аллах над своими рабами и послал мне в мрак и персть

земную ангела... Всю ночь мы беседовали с ним... И велики были и страшны слова, услышанные мною... Огнем палили они мою душу... И долго я плакал и долго молил, и ангел Аллаха опять подымался к небу и вновь принёс мне веления Всемогущего... И опять я плакал, потому что он хотел истребить народ свой, — наслать на него смерть и унижение, плач и рабство. Велика была мера гнева Его, так велика, что наполнить эту чашу не хватило бы всех гор Дагестана... И опять я плакал и молился, и ангел на тёмных крылах ещё раз подымался к Аллаху... И смиловался Вечный, имя которому Адн. Занесённая рука Его опустилась, меч из неё выпал и лежит у Его ног в ожидании. Пророк — под самое утро, — когда впервые муллы взывали ко мне, слетел на своём огненном коне, и коснулся меня, и приказал возвестить вам истину... Злодеи и слепые, бессмысленные слуги шайтана! Доколе вы будете смрадом грехов наполнять вселенную?.. Вонь от ваших душ поднялась до райских врат и отравляет там воздух блаженных... Нет числа вашим преступлениям, — они велики как море, высоки как горы, по-

крытые снегами, глубоки как пропасти, где до сих пор ещё никто не отыскал дна... В каждом из вас грехов более, чем песку у моря, они как злые коршуны летают и заклёвывают немного доброе, что ещё осталось у вас... Знайте же и трепещите!.. Господь хотел истребить вас всех до единого мечами неверных... Он хотел вооружить силою свою руки гяуров, — и вы видели, что было вчера... Он уже отвратил от вас лицо, — и в это самое утро была определена общая гибель ваша... Отчего вы были побеждены, отчего враг гнал вас как подлых чекалок от своих стен? Потому что нет в народе веры в силу Аллаха, потому что весь ваш путь на земле есть путь греха и преступления! Что было бы с вами и не только с вами, но и с вашими нагорными аулами и всеми, кто там ждёт теперь радостной вести о победе и получит только весть о своём сиротстве?.. Что было бы, говорю, с вами и с ними, если бы я не мог умолить Аллаха ещё на несколько дней отложить свою месть?.. Лицо Его ещё не обращено к вам, — Он три ночи будет ждать, чтобы сердца ваши умилились перед гневом Его, и души ваши наполнились чистыми водами

веры... Вам дан срок, и, несчастные, сумеете употребить его для вашего спасения... Смотрите, — огонь уже подходит к сухому камышу... Уже тлеет он... Ещё раз пахнёт ветром, и останется одна зола... Азраил над вами, — вы его не видите, а я вижу его и блеск его меча, громадного как Каспийское море в длину, и невыносимый свет его глаз, каждый из которых более солнца, встающего над горами... Я вижу его до последней складки его платья... Конь под ним нетерпеливо кусает удила... Три дня грозный ангел смерти будет ждать повелений Божиих... Покайтесь, исправьтесь, несчастные!.. Я вижу его, но блеск его невыносим моему взгляду... Аллах, Аллах!..

И вдруг Шамиль в конвульсиях и судорогах упал на землю...

Народ с ужасом смотрел, как его всего било, как пена выступала на его губах, а остеклевшие глаза закатывались под веки, обнаруживая одни белки...

— Азраил! Азраил!.. — выкрикивал он. — Оставь их, уйди от них!.. — и снова падал в конвульсиях.

Когда припадок его окончился, Шамиль,

точно проснувшийся, огляделся.

— Что со мною было? — спросил он Хатхуа.

— Ты видел ангела смерти над нами...

— Да... Всякий раз, когда его встречаю, со мною делается тоже... Подайте мне воды!..

Он с жадностью сделал несколько глотков и привстал, опираясь на кабардинского князя... Потом задумался и долго стоял так... Наконец, точно вспомнив что-то, он с усилием проговорил:

— Хатхуа, позови палачей!..

Тех и звать нечего было, — они находились около...

Шамиль вышел опять из окружавшей его толпы и крикнул народу:

— Правоверные!.. Я здесь перед вами!..

Неведомо, откуда у него брались силы после таких припадков как этот... Безмолвные, бледные, трепеща от ужаса, стояли лезгины... Многим из них казалось, что их уже касается пола одежд ангела смерти... Склонив головы на грудь и сложив руки, благоговейно сидели на конях чеченцы... Все ждали, что ещё должно совершиться... Для чего вновь были призваны палачи?.. Из набов даже каждый бо-

ялся за себя и не без страха следовал за ним.

— Правоверные!.. Я здесь перед вами свидетельствую славу Аллаха и Магомета, пророка его... В Коране сказано: «Да не пройдёт ни одно злое дело без наказания на земле, дабы Господь там не потребовал в нём страшного отчёта на суде Своём». И далее, Алий восклицает: «Грех народа на вождях его»... По моей молитве Азраил отошёл от вас... Я вижу теперь только его тень за Шахдагом... Она как тень от орлиного крыла делается всё меньше... Аллах вернул его к себе, — о ваши грехи, отсутствие веры, несоблюдение правил шариата и тариката, кумовство с гяурами, пьянство, потому что вы пьянствуете, курение, потому что вы курите эту сатанинскую траву, всё это вопиет к нему и свидетельствует против вас. Сегодня всемилосердый Аллах помиловал вас... Но завтра он может вспомнить все ваши мерзости перед ним и разгореться мщением, — и вновь он дарует победу неверным и навеки отвратит от вас лицо... Грех народа на вождях его... Посему я принимаю на себя ваш грех и сейчас перед вами понесу за него кару... Мулла Керим, раздень меня до по-

яса!..

Лезгины оцепенели... Чеченцы, уже знакомые с приёмами Шамиля, — невольно закрыли глаза...

— Хатхуа, милый сын мой, держи мою чалму, — потому что, доколе я не потерплю кары за весь народ мой, я буду недостойн надеть её... Палачи, бейте меня воловьими жилами... Пусть каждый из вас даст мне пятьдесят ударов... Но помните: тому горе, кто станет наносить их слабо... Голова упадёт с его плеч как спелый плод дерева... Я страдаю за народ, за его грехи, и муки мои должны быть велики... Аллах, — воззри на кровь мою, пролитую за этих грешников. Магомет, — примиришь с ними... Я искупаю их вину...

Обнажённый до пояса, могуче сложенный, Шамиль стоял гордо и прямо перед дружинами.

— Во славу Аллаха начинайте... Ты, Мурад...

Здоровый дидоец, с воловьими мускулами и шей, подошёл... Он поклонился Шамилю...

— Прости, имам!..

— Прощаю, ради Бога!..

Высоко взвился бич в воздухе и оставил красную полосу на спине у имама, следующий вырвал у него клочок кожи с мясом... Мы не будем описывать всей этой страшной казни, которую Шамиль выносил стоически... Палачи не смели бить его слабо. Они знали, что в Хунзахе, при таких же условиях, он приказал перерезать горло неверному исполнителю его воли за то, что удары того были слишком легки... Когда боль стала невыносима, Шамиль воскликнул:

— Пой со мной, народ мой! — и твёрдым, сильным голосом начал священный гимн тариката:

*«Обнажи свой меч, народ, —
Помогай в священной битве!..
Я Аллаха зрел в молитве, —
И сказал он: „Каждый род
Будет проклят мной отныне, —
Сын в отце, и старец в сыне,
Если он, презрев войной,
Не пойдёт с неверным в бой“...
Азраил уж у порога —
Выступайте, ради Бога!..»*

Грозно рос этот напев, подхваченный две-

надцатью тысячами голосов... Шамиль, казалось, забыл личную свою муку в этом восторженном взрыве боевого чувства к небесам. Он пел под свист бича, в то время, когда кровь ручьями бежала по его спине и плечам... Он пел, когда ему бы следовало кричать от невыносимого, адского страдания... Когда, наконец, искупление народного греха кончилось, и «мерзость его на вожде» была наказана, к Шамилю подошёл хаким — чеченец-доктор...

— Не надо, — остановил его Шамиль. — Господь, простивший народ мой, залечит сам мои раны, — и надел платье на истерзанное тело...

— Аллах шлёт вам свою милость!.. Исповедайте Его... — крикнул он.

— Нет бога, кроме Бога, и Магомет — пророк его! — ответили ему присутствующие.

— Зейн аль-Абидин, посланец пророка, шепнул мне в ухо сладкую весть: «Неверные будут разбиты, и Аллах отныне предаёт их в наши руки»... Слава Аллаху... Но вы все три дня и три ночи должны соблюдать пост... Есть с вечернею звездою и только конопляные лепёшки. Ни мяса, ни бузы... Слышите ли

вы меня?..

— Слышим...

— Клянётесь ли исполнить всё сказанное?..

— Клянёмся...

— Пусть же погибнет тот, кто нарушит клятву, а я больше уже не ответчик за вас перед Аллахом...

Трёхдневное ожидание было очень ловко задумано Шамилем.

Он знал, что от племён Адыге идут к нему всадники-мюриды... Пока будет длиться пост, они соединятся с массой, страшно нафанатизированной им. Зрелище добровольной казни и пребывание в земле имама довели веру в него до апогея... Теперь самый трусливый из лезгин пошёл бы на верную смерть по одному мановению его бровей...

1902

Примечания

Феварис — кавалерия.

[^^^]

Межщит — пехота.

[^^^]

Альф — тысяча.

[^^^]

Хамса-миа — пятьсот.

[^^^]

Миа — сотня.

[^^^]

6

Действительное событие.

[^^^]

Буль-буль — соловей.

[^^^]